

• КОРОЛЕВА ПРЕСТУПНЫХ СТРАСТЕЙ •

МАРИНА
КРАМЕР

Школа выживания волчицы

Королева преступных страстей

Марина Крамер

Школа выживания волчицы

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Крамер М.

Школа выживания волчицы / М. Крамер — «Эксмо»,
2016 — (Королева преступных страстей)

ISBN 978-5-699-90423-5

Когда волку угрожает опасность, волчица обязана защитить его своим телом – не дать врагу перегрызть горло вожаку стаи. Этот закон Александра Сайгачева усвоила твердо. Ее дом держится благодаря уму, рассудительности и терпению мужа, но спасти своего Акелу может только она, хрупкая и верная жена самурая. На этот раз охота, кажется, открыта на них обоих: Акелу подозревают в краже дорогого коллекционного меча, а в кабинете Саши в медицинской академии найден труп, к которому она – так кажется полиции – должна быть причастна. Идет облава на волков, и значит, первой неприятеля встретит она, волчица...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90423-5

© Крамер М., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	27
Глава 6	29
Глава 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Марина Крамер

Школа выживания волчицы

© Крамер М., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

*Заключен ли в них злой дух или нет,
этого мне знать не дано.*

*Но в реальности
мечи Мурамасы – большая редкость,
это я знаю точно.*

Накайи.ма Хисатае

Пролог

Рука сама потянулась к укрепленному на катана-какэ мечу. Сама, против воли хозяина. Мужчина с удивлением смотрел на меч, оказавшийся в руке, – пальцы сжали рукоять, и кожа ската, которой была обтянута рука, приятно холодила ладонь. Ничего более прекрасного, чем этот меч, он никогда прежде не видел. Это было его сокровище, его богатство, его гордость. Настоящий самурайский меч эпохи Токугавы Иэясу, принадлежавший школе мастера Мура-масы. Для тех, кто понимал, – этому мечу не было цены, в мире просто не существует таких денег, за которые обладатель меча готов был бы с ним расстаться. Совершенный инструмент для убийства – и одновременно произведение искусства, любоваться и восхищаться которым никогда не перестанешь.

Мужчина поднял меч так, чтобы лезвие его оказалось на уровне глаз, и принялся вглядываться в холодную сталь, рассыпавшую блики в лучах утреннего солнца. Меч словно поработил его, подчинил, но это ощущение было приятным. Власть, которой обладал меч, не вызвала у мужчины никаких отрицательных эмоций. Наоборот – когда он держал его в руках, все было правильно и хорошо, так, как и должно быть. Но стоило расстаться с оружием хоть на сутки, и все шло кувырком, дела не ладились, еда оказывалась невкусной, книги – неинтересными, свет то слишком ярким, то недостаточным. Когда же он брал меч в руки или просто оказывался в той комнате, где он покоился на катана-какэ, все немедленно становилось на свои места. Ему никто не был нужен, потому, наверное, он даже не заметил, как жена собрала вещи и ушла, не оставив ни адреса, ни телефона, как один за другим пропали все старые друзья-приятели. Остались только такие же, как он сам, коллекционеры-фанатики, сидящие в Интернете и готовые ради раритетной вещи пускаться в дальние путешествия и тратить баснословные суммы, чтобы обладать вожаделенной вещью. Если бы он мог, то и работу бросил бы, но тут незадача – не на что стало бы покупать новые предметы для коллекции, и потому он держался.

Меч завораживал – такой правильной и строгой красоты он не видел никогда. Ею хочется любоваться беспрестанно, не отрывая глаз, не отвлекаясь. Но почему внутри вдруг такая тоска? Почему так ноет сердце? И тяжесть, такая могильная тяжесть, как предчувствие смерти...

– Да, мой господин. Я слышу тебя. Я все понял.

Глава 1

Оперативники

Слишком многое еще недоступно нам в этом мире, так стоит ли притворяться, что мы все понимаем?

Мурасаки Сикибу

– У меня дежавю.

Старший оперуполномоченный Карепанов сжал пальцами переносицу и закрыл красные после ночного дежурства глаза.

– В смысле? – его напарник лейтенант Илья Гаврюшкин, всего полгода работающий с Карепановым, боролся с подкатившей к горлу тошнотой и старался не смотреть на обезглавленное тело на полу.

– Да пару лет назад так же точно начиналось, – пояснил тот, – разве что в роли потерпевших бомжи выступали да раскиданы были по всему городу почти. А так один в один – башка отдельно, тулово отдельно, собирай не хочю. Кстати, здесь еще хоть башка рядом лежит, а тогда вообще безголовых находили.

– Так, может, того... опять? – предположил осторожно Илья.

– Если бы, – вздохнул Карепанов, убирая от лица руку, – но, увы, это что-то новенькое. У меня с тем делом, правда, не только негатив связан. Сын мой как раз благодаря тем трупам, если можно так сказать, всерьез увлекся единоборствами. Руководитель «Каскада» у нас тогда подозреваемым проходил.

У Ильи вытянулось лицо:

– Не понял.

– Бывают, Илюха, и у нас осечки. Чуть невинного человека под убойную статью не подвел, каюсь. Но, слава богу, разобрались. А пацан мой теперь на него как на икону смотрит. Ладно, отвлеклись. Что думаешь по трупу?

«Думать по трупу» Илья не хотел – тошнота становилась все сильнее, и он чувствовал, что если бросит еще хотя бы взгляд в сторону обезглавленного тела, точно вывернется наизнанку. И будет ему мучительно стыдно перед Карепановым за собственную слабость. Труп же, как нарочно, так и маячил перед глазами. Особенно отсеченная голова с полузакрытыми глазами, откатившаяся от тела почти к самому балкону.

– Почему у него меч в руке? – стараясь подавить тошноту, спросил Илья.

– Да черт его знает. Убийца вложил, скорее всего. Правда, непонятно зачем. Если следы заметал, то оригинально слишком.

– А не мог он себе того... сам?

– Что? Голову отсечь? Да ну, – с сомнением протянул Карепанов, прикинув что-то.

– А все-таки? – не отставал Илья, которого стало меньше тошнить, и он почувствовал прилив энергии. – В порядке бреда мы не можем такую версию отработать? Проконсультироваться у медиков?

– Если только в порядке бреда. Но времени у нас, как ты понимаешь, на это нет. Поэтому давай-ка займемся более реальными версиями.

– Убийство с целью ограбления?

– Ограбить тут вполне реально, – почесал в затылке Карепанов, обводя комнату взглядом, – ты посмотри, сколько ценностей. Я такое видел только однажды, и опять-таки в связи с делом об убийствах бомжей. Есть у нас в городе крупный коллекционер старинного самурайского оружия, он же руководитель клуба «Каскад» Александр Михайлович Сайгачев. Так вот, у него в квартире – музей. Здесь, конечно, в разы меньше, но все же... Что-то мне подсказывает,

что придется консультироваться у Сайгачева. Больше никто в нашем городе в этой японской мишуре, как мне кажется, и не разбирается.

– А зачем в ней разбираться? – не понял Илья.

Карепанов снова устало зажмурился и пробормотал:

– Потому что надо понять – есть ли здесь что-то ценное или куплено все на китайских развалах тысячи по три за предмет, понимаешь? Ты, к примеру, можешь сказать, какой мастер вон тот меч выковал? – показал он пальцем на укрепленный в пазах катана-какэ меч в лаковых расписных ножнах.

Илья подошел ближе, стараясь не смотреть на труп хозяина, и постарался извлечь оружие из ножен, но не смог.

– Видишь, – хмыкнул Карепанов, – ты даже взять его не можешь. А Сайгачев сразу скажет, чья работа, какого века и, возможно, кто владел мечом до его последнего хозяина.

– Я так понял, что вы с этим волшебником сами разговаривать будете? – оставив попытки вынуть меч из ножен, спросил Илья.

Карепанов не ответил. Встретаться с Сайгачевым он не особенно хотел, чувствовал, что тот до сих пор не простил ему несправедливых обвинений в серийных убийствах бомжей. Нет, вслух невозмутимый одноглазый самурай не произнес ни слова о той истории, однако Карепанов всякий раз чувствовал тщательно скрываемую неприязнь. Можно, конечно, попробовать привлечь жену Сайгачева, но эта идея тоже не была успешной на сто процентов. Маленькая, хрупкая с виду Александра Гельман-Сайгачева гораздо сильнее, чем ее муж, злилась на Карепанова и даже не трудилась это скрывать. Именно благодаря ей и было раскрыто то самое громкое преступление, именно Александра смогла вычислить убийцу и даже ухитрилась обезвредить его, удивив выдавшего виды Карепанова. Он потом ездил к ним домой, чтобы вернуть один из вещдоков и просить прощения, и вроде бы разговор прошел мирно и почти дружелюбно, но то, что в доме Сайгачевых ему не рады, Карепанов усвоил четко. Возможно, будет лучше, если Илья, не имевший никакого отношения к прошлому расследованию, поговорит с Александром Михайловичем и попросит проконсультировать.

– Знаешь, я о чем подумал? А поезжай-ка ты к Сайгачеву, адрес я дам и машину тоже – они за городом живут, в поселке.

– Может, проще вызвать к нам?

И тут Карепанов понял, что это бесполезно. Надо ехать самому, это будет куда проще, чем инструктировать Илью, как следует себя вести в доме криминального авторитета Ефима Гельмана по прозвищу Фима Клещ. Да и вряд ли тамошняя охрана встретит молодого опера с распростертыми объятиями и накрытым столом. А Карепанова они все-таки знают...

Но поездка сорвалась. Позвонив Сайгачеву, Карепанов выслушал вежливый, но холодный отказ и предложение встретиться в кабинете оперуполномоченного через пару дней.

– Как хотите. Если вам удобнее подъехать ко мне, давайте так и сделаем, – согласился Борис Евгеньевич, в душе довольный, что не придется тащиться в загородный поселок на своей машине.

Глава 2

Александра

Человек может думать обо всем, но делать должен то, в чем он уверен.

Хань Сян-цзы, китайский философ

Как же прекрасно выглядит увлеченный чем-то человек, погруженный в свое занятие. Я каждое утро наблюдаю за этим вот уже много лет и все равно никак не могу привыкнуть. Муж, выполняющий во дворе упражнения с длинным шестом-бо, до сих пор кажется мне сказочным персонажем, ворвавшимся в мою жизнь принцем, безупречным рыцарем со своим особенным, сложным кодексом чести. Сашка с годами не утратил для меня привлекательности, и я ни за что не променяю своего уже немолодого супруга на пучок молодых балбесов, которые то и дело пытаются свести со мной знакомство, если я вдруг оказываюсь где-то одна или с подругой. Я, взрослая женщина, мать восьмилетней девочки, жена известного в городе тренера по восточным единоборствам, до сих пор выгляжу довольно молодой. Как любит говорить папа, «маленькая собачка до старости щенков» – это о моем росте и телосложении. Детское прозвище Кнопка он, правда, практически забыл, уважая все-таки мой возраст и должность доцента кафедры нормальной анатомии медицинской академии, но нет-нет да позволяет себе отпустить шутку. Я не обижаюсь – как можно обижаться на родителя, у которого, кроме меня и моей семьи, никого больше не осталось? Его старшая сестра Сара не в счет – не выдержав нашего ритма жизни, она снова уехала к себе в Саратов и заявила, что теперь уж мы увидимся только на ее похоронах. Зная тетю Сару, я уверена, что этот момент наступит не скоро. Папа предлагал ей нанять помощницу по хозяйству, все-таки тетушка сильно немолода, однако даже ему никогда не удавалось переубедить сестру.

– Еще не хватало, чтобы кто-то шарил по моим шкафам, – категорически заявила тетя Сара, и папа только рукой махнул:

– Ой, да делай ты что хочешь! Хотел как лучше – чтобы сама не надрывалась.

– По-твоему, Сара – никуда не годный мусор? Сара – не хозяйка в своем доме? – заголосила тетушка, наматывая на палец уголок черного головного платка, с которым никогда не расставалась. – Смотрите на него, люди! Младший брат, которого Сара вот на этих руках вынырнула!

– Все, все! – спасаясь бегством в кабинете, заорал папа. – Забудь, поняла? Ничего тебе никто не предлагал!

Тетушка так и уехала, не помирившись с братом, посмевающим заподозрить ее в неспособности.

Эти семейные разборки не задевали только одного человека – моего мужа. Сашка был невозмутим и нейтрален, не поддерживал ни папу, ни тетку, считая, что у каждого своя правда и ее нужно уважать, раз уж никак невозможно примирить их.

– Аля, это их семейное дело, – объяснял он мне терпеливо, когда я пыталась заставить его принять чью-то сторону, – и мне там места нет. Сара Иосифовна еще довольно бодра и самостоятельна для своих лет, привыкла все решать и делать сама, к чему заставлять ее терпеть присутствие чужого человека? А Фима, хоть и хочет ей помочь, но лучше бы не делал этого. Привык, что все прислушиваются к его словам, а тут, видишь ли, нашла коса на камень. Характер-то у обоих не сахар.

Я умолкла и больше с этим вопросом к мужу не лезла. Вскоре у меня появился другой повод для разговоров с ним – наша дочь. Второклассница Соня неожиданно вспылала интересом к тому, чем занимается в своем клубе ее отец, и теперь каждый вечер они вдвоем отпра-

лялись в город на занятия. Меня страшно злило, что Акела дает в руки девочке деревянный меч и учит ее приемам владения им наравне с мальчишками.

– К чему это, скажи? – спрашивала я всякий раз, когда они возвращались из клуба и довольная дочь неслась в ванную. – Зачем ей это, она же девочка!

Муж невозмутимо забрасывал в стиральную машинку два комплекта кимоно – свой и Сонькин – и с легкой усмешкой парировал:

– И давно это ты стала такой поборницей женских видов спорта, малышка? – явно намекая на мое увлечение байками и разряд по стрельбе.

– Это было давно!

– И не припомню, чтобы с тех пор ты никогда не прикасалась к винтовке или ключам от мотоцикла, – тут же уличал муж, заставляя меня умолкнуть.

Я действительно каждое воскресенье с самого утра брала верного телохранителя Никиту и отправлялась к песчаному карьеру, где по часу или больше, в зависимости от настроения, упражнялась в стрельбе из снайперской винтовки. Надо сказать, что это умение пару раз здорово пригодились мне в жизни и помогало спасти не только собственную шкуру, но и жизнь моих родных. К счастью, об этом увлечении в медицинской академии никто из коллег не догадывался.

– Если ты будешь постоянно говорить Соне, что она занимается неженским делом, она станет делать это назло тебе, разве ты не понимаешь? У нашей дочери твой характер, а кому, как не тебе, знать, что это означает?

И даже в этом Акела был прав.

Соня не была моей дочерью, как не была и дочерью Акелы – мы взяли ее из детского дома, но характер у нее действительно оказался неожиданно моим. Она даже смотрела точно так же, как я, особенно если считала, что кто-то посягает на ее свободу. Единственным человеком, которому Соня не демонстрировала крутой нрав, был мой отец. Деда Фиму она обожала, к нему бежала по утрам на его половину дома, чтобы поздороваться, ему первому несла дневник с оценками и ему же доверяла свои нехитрые детские секретки. Папа таял, как шоколадная конфета, забытая на подоконнике в солнечный день. Мой папа, криминальный авторитет Фима Клещ, в присутствии этой девочки делался обычным немолодым, почти лысым дядькой со смешным пузиком, готовым за ее улыбку на все. Любили Соню и его верные друзья Бесо и дядя Моня, она была младшей из всех детей, а потому ее баловали, что, конечно, не могло не огорчать нас с Акелой. И в глубине души, что греха таить, я отлично понимала, зачем муж берет Соню с собой на занятия. Искусство владения мечом требует повышенного внимания, предельной концентрации и жесткой дисциплины, иначе меч непременно отомстит нерадивому воину. И именно через оружие Сашка прививал дочери какие-то принципы и непреложные истины. Кроме того, в клубе было много ребят из неблагополучных семей, а мой муж считал, что Соня должна видеть не только праздничную сторону жизни, но и ее изнанку. Против этого я возразить ничего не могла. Мне нравилось, что Сашка учит Соню чувствовать чужую боль и заботиться о тех, кому хуже. Все свое свободное от работы в папином банке время он посвящал вот таким заброшенным мальчишкам, чьи родители не находили времени или желания заниматься с ними или просто разговаривать по душам. Мне казалось, что таким образом Акела как бы восстанавливает справедливость и расплачивается за то, что сделал раньше. Помогает освоиться в жизни тем, у кого, возможно, нет шанса. Я знала, что двум своим воспитанникам он помог поступить в военное училище, а еще кому-то в университет, и ребята, став студентами, с благодарностью приходят в клуб, чтобы помочь в занятиях. Папа относился к этому скептически – не верил, что Акела, бывший некоторое время его доверенным человеком, вдруг решил стать святым. Но Сашка святым никогда не был и не стремился к этому, просто привычка жить по самурайскому кодексу заставила его пересмотреть многие вещи в жизни и что-то в ней изменить. Сейчас он занимал пост начальника службы безопасности папиного банка,

но душа его лежала все-таки к восточным единоборствам и к мальчишкам, приходившим к нему в «Каскад».

– Вам парня надо было брать, – сказал как-то папа, когда Соня и Акела уехали в клуб, а мы с ним остались дома одни. – Ты глянь, как твой паленый увлекся. Жаль, что Соня – девочка.

– Мы не выбирали, если ты помнишь. Мы ее увидели и поняли – она наша. Сашка любит ее не меньше, чем если бы она была мальчиком.

– Да так-то оно так. Но учит девку черт-те чему.

– Ой, прекрати! А ты чему меня учил? Кто меня в секцию стрельбы отвел? Не ты ли? – улыбнулась я, но папа шутку не принял:

– Я, Саня, просто не знал, как тебя воспитывать. Славка с Семкой были пацанами – тут просто вроде. А ты... И когда мать ваша ушла, я растерялся. Что я мог знать об этих ваших бабских тонкостях? А потом увидел, как ты пистолет держишь, и подумал – а чего? Стреляют же бабы в тире. А ты к тому же еще и способная оказалась. Вспомни, как с тобой тренер-то носился!

Еще бы ему было не носиться со мной, когда я в тринадцать лет выполнила норматив на второй взрослый разряд! Рука и глаз у меня были верными, оружие я любила и управляться с ним умела. До сих пор самым желанным подарком для меня остаются не цветы, шубы или бриллианты, а хорошая оптика или новая модель винтовки, хотя мужу, конечно, это не особенно нравится.

Вечером с тренировки вернулись Акела и Соня, и на лице мужа я вдруг заметила тень недовольства.

– Что-то случилось? – спросила я, когда дочь убежала в душ.

– Звонил Карепанов.

У меня что-то ухнуло вниз – фамилию этого опера я буду помнить до смерти, потому что именно из-за него чуть было не сел в тюрьму пару лет назад Акела. Это с его легкой руки моего мужа обвинили в серии убийств только за то, что у него в квартире обнаружилась огромная коллекция старинного самурайского оружия, из которой был похищен меч, ставший орудием убийства несчастных бомжей. Я лезла из шкуры вон, чтобы доказать – Акела не делал этого, не мог в силу разных обстоятельств. Но Карепанов заранее был уверен в том, что человек, исповедующий самурайский кодекс бусидо, не кто иной, как хладнокровный убийца, способный ради проверки остроты меча отсечь голову так называемому неприкасаемому. Мне все-таки удалось доказать, что меч был похищен из квартиры, я даже сумела найти похитителя и предотвратить еще одно убийство, но это едва не стоило жизни и мне, и моей подруге Ольге Паршинцевой. Ольга отделалась испугом, а я потом долго болела, дойдя до нервного истощения. Меч нам вернули, Карепанов приезжал с извинениями, но что это меняет? Разве можно словом «извините» вернуть назад тот месяц, что Акела провел в СИЗО? Или стереть те эмоции, что испытала я, обнаружив в подвале одного из гаражей полку с пятью отрубленными человеческими головами? И вот теперь этот самый Карепанов снова лезет в нашу жизнь.

– Что ему нужно опять?! – враждебно спросила я. – В городе кого-то режут, и ты под подозрением?

– Аля, что за тон? – чуть удивленно поинтересовался муж. – Может, ты сперва выслушаешь, а потом будешь делать выводы?

– Да, прости. – Я поправила пояс-оби своего домашнего кимоно и щелкнула кнопкой чайника. – Рассказывай.

Акела сел напротив меня за стол и сложил руки на столешнице.

– Карепанов ведет дело об убийстве коллекционера и попросил проконсультировать его.

– А почему тебя?

– Потому что в квартире убитого обнаружена коллекция самурайских мечей. Как ты понимаешь, первая ассоциация у Карепанова была со мной.

– Разумеется! Как только в деле появляется самурайский меч, так к делу тут же подшивают Александра Сайгачева, – с сарказмом отозвалась я, насыпая в широкий глиняный чайник зеленый чай из большой жестяной банки.

– По-моему, это вполне логично.

– Слушай, а я и не знала, что в городе еще у кого-то есть коллекция мечей. Думала, что ты уникален, – поддела я, и Акела рассмеялся, поправив кожаный кружок, закрывавший отсутствующий глаз:

– Прости, малышка, я тебя обманул. Есть увлеченные люди. Возможно, Карепанов преувеличил или принял за старинное оружие обычные китайские имитации, каких сейчас в любом магазине пруд пруди. Для этого и зовет – чтобы разобраться, что к чему.

Мне стало немного легче: консультировать и быть обвиняемым – все-таки разные вещи. Акела считался хорошим востоковедом, а в оружии разбирался до мельчайших тонкостей и мог на глаз определить, какому мастеру принадлежит меч и в каком веке он был изготовлен. Коллекции, которая теперь хранилась здесь, в загородном доме, мог позавидовать любой музей мира – там было несколько по-настоящему ценных образцов, существовавших в единственном экземпляре. Процесс уборки в этой комнате превращался у моего мужа в ритуал. Он надевал специальные перчатки, вынимал из шкафа особые салфетки и почти весь день, выделенный для этого, проводил за вытиранием пыли с ножен и катана-какэ. В последнее время к нему частенько присоединялась Соня – сидела рядом, подавала салфетки и внимательно слушала и запоминала все, что рассказывал и показывал отец.

Папа, если заставлял их за этим занятием, только хмыкал и крутил у виска пальцем:

– Ты чего девке голову морочишь? Зачем ей это все? Хочешь ты, чтоб по-японски она балакала, – ладно, это хотя бы развитие. Но к оружию-то зачем подпускаешь? А если пальцы обрежет?

Акела невозмутимо пропускал эти колкости мимо ушей, а я в который раз напоминала о собственном детстве, проведенном в стрелковом тире и на разнообразных стрельбищах.

– Не бабы в доме, а сплошные амазонки, – ворчал папа, но в душе, я знаю, был горд тем, что его девочки умеют то, что не всегда доступно даже многим мальчикам. А уж когда Соня однажды при Бесо и дяде Моне показала довольно неплохую для ребенка технику владения деревянным мечом, мой папенька просто расплылся от распиравшего его самодовольства.

– Видали? – гордо поглядывая на приятелей, спросил он. – Настоящая самурайка выросла! – и тут же был наказан за безграмотность собственной внучкой:

– Деда, нет слова «самурайка», есть слово «онна-бугэйся».

– ... так твою и разэтак, – констатировал грустно папа под смех Бесо и Мони, – лучше б чему полезному ребенка учили.

Но у нас на этот счет было свое мнение, и мы поступали так, как считали правильным. То есть как «мы» – Сашка. Я, правда, перестала возражать, когда увидела одухотворенное личико дочери, сосредоточенно размахивающей деревянным мечом почти в такт с Акелой. Раз ей нравится – пусть.

Ночью, лежа в постели рядом с мужем, я вспомнила почему-то о Карепанове.

– Саш, а ты когда с опером встречаешься?

– На днях. Он позвонит. А что?

– Да так, предчувствие у меня какое-то нехорошее, – призналась я, поглаживая мужа по груди.

Он только усмехнулся чуть слышно и прижал меня к себе:

– Не бойся, малышка. Со мной ничего не случится, я обещаю.

Как будто от его обещания зависели все те случайности, что происходили в нашей жизни.

Глава 3

Ольга

Вместо того чтобы изнурять себя многими мыслями, следуй одной, но позволяй ей меняться от мгновения к мгновению.
Ямомото Цунэтомо. «Хагакурэ. Книга самурая»

Ольга Паршинцева проснулась в дурном настроении. Во-первых, за ночь в комнате стало слишком холодно. Ольга хоть и любила спать с открытой форточкой, но сегодня ударил первый морозец, и это мгновенно отразилось на температуре в комнате. Высунув из-под одеяла нос, она оглядела комнату. Так и есть, муж уже куда-то ушел, даже чашку за собой в кухню не вынес. Это тоже не добавило оптимизма, как и найденная чуть позже на столе записка от Саввы: «Уехал в область, встречаюсь с клиентом, буду поздно».

– Как так-то?! – негодовала Ольга, стараясь одновременно попасть одной ногой в штанину спортивных брюк, а второй – в тапочку. – Еще вчера никто никуда не собирался – и здравствуйте. Уехал он!

Муж Ольги Савва был владельцем небольшого детективного агентства, где теперь трудилась и сама Паршинцева, в прошлом окончившая медицинскую академию. Карьера судебного медика у нее не задалась, из бюро пришлось уволиться, с кафедры – тоже, и так удачно подвернувшийся с предложением Савва оказался просто находкой. Его брат-близнец Никита был телохранителем Саши Сайгачевой, единственной Ольгиной подруги, приобретенной совершенно странным образом – в ходе расследования, которое Паршинцева задумала провести самостоятельно. Разумеется, все чуть было не обернулось бедой, но маленькая, коротко стриженная Сашка, владевшая пистолетом и снайперской винтовкой, а также лихо гонявшая на мотоцикле, сумела помочь ей выпутаться и остаться в живых. С Саввой их познакомил Никита, и спустя некоторое время они поженились. Сашка была свидетельницей, а ее муж Александр Михайлович – почетным гостем. Когда-то Ольга занималась у него японским языком. Теперь они с Саввой снимали однокомнатную квартиру в центре города, небольшую, но хорошую и уютную, и откладывали деньги на собственную. Жить с мамой Ольги они не захотели – дочь считала, что мама заслужила право на отдельную квартиру, где по утрам не будет сталкиваться с зятем.

– Зато мы будем к тебе в выходные приходить, – успокаивала она расстроенную маму, и этого обещания строго придерживалась.

Каждую субботу они с Саввой покупали торт и ехали к Наталье Ивановне, которая уже ждала дочь и зятя с испеченным пирогом и огромной сковородой жареной картошки, как любила Ольга. Для сладкоежки Саввы у нее всегда были особые пирожки – с вишней, малиной или смородиной. Рыжеволосый зять устраивал Наталью Ивановну по всем параметрам, он был спокойным, рассудительным и очень внимательным. Они с Ольгой работали вместе, но это не мешало им и в свободное время не разлучаться. Возможно, сказывался первый год семейной жизни.

Ольга, не утерпев, набрала номер мужа, но телефон Саввы молчал – был вне зоны доступа.

– Неужели едет где-то? – бросив взгляд на настенные часы, пробормотала она. – Это куда же его нелегкая унесла?

Завершив утренние процедуры и заправив постель, Ольга вышла в кухню, где после отъезда мужа царил вполне ожидаемый хаос. Паршинцева никак не могла понять, каким образом ухитряется Савва, жаря яичницу, вымазать не только сковороду, плиту и стоящий рядом чай-

ник, но и разделочный стол, навесной шкаф и даже шторы на окне. После завтраков, приготовленных мужем, кухня требовала как минимум косметического ремонта.

– Интересно, Никита – такой же поросенок? – вслух проговорила Ольга, осматривая руины кухни. – Надо у Диночки спросить.

Никита находился в состоянии перманентного жениховства вот уже почти год. То есть предложение своей девушке он сделал, но до свадьбы у них пока так и не дошло. Правда, Дина говорила, что это к лучшему – мол, нельзя устраивать две свадьбы в одной семье в один год, но Ольга почему-то считала, что за этим суеверием Дина прячет что-то другое. Они с Никитой жили вместе уже три года, казалось бы, логично завершить все свадьбой, но что-то шло не так. Даже Саша подстегивала своего любимчика, говоря, что Дина вот-вот сбежит от него, но Никита, уверенный в подруге, только отшучивался:

– У меня брат – детектив, враз найдет, если что.

После уборки настроение немного улучшилось, но не настолько, чтобы приняться за какие-то другие дела. Снова глянув на часы, Ольга прикинула, что у Саши сейчас нет занятий, и можно позвонить ей и спросить, как чувствует себя Соня, которая на днях приболела.

Голос Саши, ответившей не сразу, насторожил Ольгу:

– У тебя что-то случилось? Как Соня?

– Соня поправилась, уже в школу сегодня пошла, сейчас Никита поедет забирать.

– Тогда почему таким голосом, как будто небо рухнуло?

– Сашку вызвали в полицию, и его нет уже больше двух часов, – совсем упавшим голосом сказала подруга, и Ольга ахнула:

– Да ты что! А из-за чего?

Задавать подобный вопрос, зная, кто у Сашки отец и кто муж, было рискованно – она могла рассердиться и бросить трубку, чтобы ничего не объяснять.

– Его попросили проконсультировать по одному делу.

– Ох, напугала! – облегченно перебила Ольга. – Я-то уж подумала... Может, просто что-то запутанное?

– Он же не следователь! Всего-то и надо – посмотреть какие-то мечи и дать оценку. Это не могло занять столько времени. Даже нашу коллекцию можно отсмотреть за два часа, а у нас она – сама знаешь.

Это Ольга знала. Впервые попав в дом Сайгачевых, она просто рот открыла от изумления. В довольно скромно обставленной квартире было столько настоящего японского оружия и доспехов, что у нее разбежались глаза. Она раньше и представить себе не могла, что человек может владеть подобным – такие вещи обычно хранятся в музеях под стеклом, а тут расставлены и развешаны в обычной городской «трешке». Александр Михайлович отдавал этому все свободное время, постоянно что-то читал и раз в год обязательно ездил в Японию к своему мастеру, обучившему его когда-то основам почти утраченной техники боя на веерах. Прежде Паршинцевой не доводилось слышать о таком, а уж видеть и подавно. Но когда она взяла в руки настоящий боевой веер-тэссен, сердце ее на момент перестало биться, настолько прекрасной оказалась эта вещь. Кстати, именно с помощью тэссена Сашка смогла обезвредить убийцу. Получилось, конечно, не так эффектно, как показывал Александр Михайлович, зато надежно. Безобидная на первый взгляд вещь могла нанести серьезную рану – перерезать отточенным краем артерию, например. Веер этот Сайгачев хранил в сейфе и демонстрировал только близким людям. Боевое оружие принадлежало его деду – чистокровному, кстати, японцу, попавшему в плен и отбывавшему наказание в лагерях где-то под Иркутском.

– Саш, ты бы зря нервы-то не тратила, – успокаивающим тоном сказала Ольга. – Может, там что-то сложное. Или Александр Михайлович увлекся и устроил сотрудникам лекцию.

– Оля, ты не хуже моего понимаешь, что Сашка не из тех, кто чувствует себя в полиции как рыба в воде, правда? И уж конечно, никаких лекций он там не устраивает. А это значит, что-то случилось. Я места себе не нахожу, у него выключен телефон, я не знаю, о чем думать!

Было довольно странно слышать истеричные нотки в голосе Александры. Несмотря на маленький рост, хрупкое телосложение и подростковый вид, внутри эта женщина была словно отлита из куска высококачественной стали – цельная, умная, несгибаемая. На ее долю выпало немало испытаний, которые могли сломать любого мужчину, но Александра выстояла. И теперь такой пустяк, как выключенный телефон мужа, заставляет ее чуть не плакать и говорить дрожащим голосом.

– У тебя во сколько последняя пара заканчивается?

– Сейчас перваки будут, через полтора часа максимум – у них зачет, но я его письменно проведу, нет сил разговаривать.

Значит, через полтора часа она отпустит первокурсников и будет свободна. Ольга прикинула, что за это время вполне успеет одеться и доехать до медакадемии. Поскольку Никита забирает из школы Соню, у них будет пара часов. Сашке просто необходимо отвлечься, и Ольга ей в этом поможет. Все равно других дел на сегодня не предвидится.

– Значит, так, – твердо сказала Ольга в трубку, – через полтора часа я тебя буду ждать в холле морфокорпуса. Пойдем пить кофе и есть пиццу.

– Савки в городе нет? – мгновенно вычислила подруга.

– Уехал еще утром куда-то в район, и тоже телефон не отвечает. Так что мы с тобой сегодня брошенки, дорогая. Посвятим день себе.

Александра пару секунд помолчала, что-то прикидывая, потом согласилась. Ольга подключила мобильный к зарядному устройству и начала собираться.

«Давно я не переступала порог этого заведения», – оглядывая просторный холл морфологического корпуса медакадемии, подумала Ольга. В этом здании на четвертом этаже располагалась кафедра судебной медицины, где она раньше работала. По этой лестнице справа от гардероба она спускалась в морг на вскрытия. Но после увольнения Ольга ни разу здесь больше не была – настолько обидными ей казались тогдашние обвинения заведующего кафедрой. Все, конечно, выяснилось, Нарбус принес извинения, но осадок, оставшийся после истории с пропажей денег из сейфа, у Ольги так и не исчез. Она понимала, что доценту проще было обвинить ее, чем признать, что собственная дочь – зависимая игроманка, но гордость была задета настолько, что Паршинцева так и не смогла пересилить себя и вернуться на кафедру, куда ее настойчиво приглашали.

– Давно ждешь? – раздалось за спиной задумавшейся Ольги, и она, ойкнув от неожиданности, развернулась.

Перед ней стояла невысокая женщина с короткой стильной стрижкой, из-под распахнутого пальто виднелась узкая юбка и белая блузка – Саша не изменяла своей привычке на работу одеваться элегантно и строго. Тот, кто видел ее в стенах академии, ни за что не узнал бы преподавателя анатомии Александру Ефимовну, встретить он ее, к примеру, в субботу вечером. Это была совершенно другая женщина – затянутая в кожаные брюки и куртку, обутая в берцы на шнурках, часто за рулем огромного «харлея». Ольга, увидев это впервые, испытала шок, потому что ей довелось узнать еще одну Александру – мягкую, тихую, одетую в кимоно. Такой она бывала только дома и только для одного человека – для мужа. Как уживаются в таком маленьком теле три такие разные личности, Ольга не понимала, но любила Сашу всякую.

– Ты пальто-то застегивай, там такая каша с неба падает – ужас просто, – с улыбкой сказала Ольга, чуть склонив по привычке голову к правому плечу.

– Выбрала же ты погоду для прогулок, – фыркнула Саша, застегивая пуговицы.

Мимо пробежала стайка девчонок в накинутых поверх белых халатов куртках и пальто:

– До свидания, Александра Ефимовна! – раздалось из этой толпы.

– До свидания, девочки. Имейте в виду – завтра начинаем пищеварительную систему, буду спрашивать с начала занятия, – отозвалась Александра ледяным тоном.

– Как хорошо, что я у тебя не училась, – фыркнула Ольга, заматывая шею шарфом.

– Кто знает, хорошо ли, – неопределенно отозвалась Саша, о чем-то думая.

Ольга толкнула тяжелую дверь и вышла на улицу, сразу попав под мелкий снег с дождем. Саша, выйдя следом, вынула из сумки темные очки, чтобы летящий в лицо снег не размазал тушь на ресницах.

– Давай быстренько до стоянки добежим, у меня там машина, и поедем в центр, – предложила она, вынимая из сумки ключи.

Этот вариант Ольгу вполне устраивал.

Они выбрали небольшое кафе возле торгового центра, сели за столик у окна и заказали пиццу и кофе. Саша то и дело бросала взгляды на выложенный на стол мобильник, но он молчал.

– Ты так убиваешься, как будто его арестовали, – заметила Ольга.

– Можно подумать, ты не знаешь, что это вполне возможно, – с горечью сказала Саша, покручивая на скатерти сахарницу. – Сотрудники нашей полиции все еще живут стереотипами. Для них человек, женатый на дочери авторитета, априори виноват во всем. Но ты ведь бываешь у нас в доме – скажи, хоть раз кто-нибудь повел себя как-то не по-людски? Папа, Сашка, охранники наши? Мы ничем не отличаемся от остальных, но клеймо папиной прошлой жизни лежит на всех, даже на моей дочери. Помнишь, как ее похитили из школы? Что сказал тогда директор? Да если бы Никита меня не перехватил – я бы ему голову снесла! – ноздри маленького Сашиного носика раздулись, лицо чуть побледнело от сдерживаемых эмоций. – И с Акелой то же самое. Помогал папе в свое время, теперь начальником службы безопасности работает в его банке – все, виновен! И никогда, понимаешь, никогда уже ему не отмыться, как и мне. Противно. – Саша хрустнула пальцами и умолкла.

Ольга смотрела с сочувствием. Она хорошо понимала, что творится в душе подруги. Жить в такой атмосфере действительно тяжело, а она изо всех сил пытается это делать. Она любит отца, взявшего ее, четырехлетнюю, из детдома, любит мужа, который старше ее на полжизни, любит дочь, которую они тоже удочерили, потому что Саша потеряла неродившегося ребенка в разборках Акелы с бывшим хозяином и больше иметь детей не могла. Она пытается выстроить жизнь так, как делают это все женщины, но окружающая действительность всякий раз указывает ей на то, что она не может быть как все. Ольга была знакома с ее отцом Ефимом Иосифовичем Гельманом и не могла сказать о нем ни единого худого слова – обычный лысеющий дядька с пузиком, любит хорошо поесть, любит большие застолья с накрытым по всем правилам столом – что тут необычного? Да, у него тяжелый взгляд и руки, покрытые синими наколками, но что с того? Ольга в свое время тоже была не лишена предрассудков, но, пообщавшись с семьей Саши поближе, поняла, что многие вещи люди додумывают сами, а на деле их и нет вовсе.

Но что могло случиться с Александром Михайловичем?

– Хочешь, я позвоню Карепанову? – вдруг предложила она, и Саша удивленно вскинула на нее глаза:

– В смысле?

– Позвоню и напрямую спрошу. Мы с ним работали раньше, ты ведь знаешь.

– Позвони! – решительно сказала Сашка, готовая, судя по взгляду, даже на штурм отделения, если понадобится.

Ольга вынула телефон и набрала номер Карепанова. Тот ответил не сразу, и Ольга даже испугалась, что он успел сменить номер. Но вот раздался его голос:

– Карепанов слушает.

– Здравствуйте, Борис Евгеньевич. Это Оля Паршинцева, помните такую?

– Тебя забудешь, – рассмеялся на том конце Карепанов. – Как жизнь молодая?

– Потихоньку, спасибо. Борис Евгеньевич, у меня к вам вопрос. У вас был сегодня Александр Михайлович Сайгачев?

Карепанов, кажется, удивился:

– А тебе зачем?

– Надо, раз спрашиваю. Я его жду уже больше двух часов, дело у меня, а его все нет, – на ходу начала плести Ольга, но Саша под столом пнула ее носком сапога, призывая остановиться и не громоздить ненужную ложь.

– А с какой радости ты его у меня-то ищешь, я не понял.

– Он говорил что-то о том, что должен к вам подъехать.

– Не было его у меня. Должен был, но отменилось все, перенеслось на пару дней.

Глядя на то, как заливается мертвенной бледностью лицо Саши, Ольга быстро попросилась и схватила подругу за запястье:

– Ну-ка, прекрати! Мало у него других дел?

Саша с усилием выдернула руку и сжала пальцами переносицу:

– Ничего не понимаю. Он никогда мне не врал, что происходит-то?

– Саша, не додумывай! Слышишь меня? Не смей додумывать то, чего нет! – жестко потребовала Ольга. – Он вернется вечером домой и все тебе объяснит, я уверена.

– А я вот не уверена совсем! В последний раз, когда у него возникли какие-то тайны от меня, он тут же оказался в СИЗО. Я больше этого не выдержу...

Ольга видела, что подруга еле сдерживается, чтобы не заплакать. Привязанность Александры к мужу достигла каких-то критических значений, это было странно и одновременно вполне объяснимо. Такие, как Сайгачев, встречались в природе в единственном экземпляре, а у Сашки это было самое первое чувство, почти детское – они познакомились, когда ей было всего семнадцать, и с тех пор не расставались.

– Ты все равно прекрати играть в догадки. Я уверена, что ничего не случилось, а я редко ошибаюсь. Давай лучше поедим, остынет же все.

– Кусок в горло не лезет, – призналась Александра, глядя в окно, за которым поднялась настоящая метель, что для первых чисел октября довольно редкое явление.

У нее зазвонил мобильный, и Саша, встрепенувшись, схватила со стола трубку. Но звонок оказался не тот, которого она все это время ждала.

– Да, Никита, я слушаю. Нет, я в городе еще. Мы с Ольгой в кафе зашли. Не знаю. Савва куда-то уехал с утра. Хочешь, я дам ей трубку? Ладно. Нет. А тебе? Понятно. Нет. Я сама приеду. Все.

Положив телефон, она закусила губу, и Ольга поняла, что Сайгачев и Никите не звонил, хотя обычно всегда справлялся, привез ли телохранитель Соню домой после занятий, так было заведено.

– Саш, – дотянувшись до руки подруги, сказала Ольга, чтобы нарушить тягостное молчание, – не переживай ты. Раз в полиции его не было, значит, хотя бы с этой стороны все хорошо. Мало ли у него дел в банке? Может, что-то случилось.

– Оль, поеду я домой. – Саша встала и потянулась за пальто. – Ты извини, не получится сегодня приятной беседы.

– Да я понимаю, что ты. Конечно, поезжай.

– Я тебя довезу.

– Не нужно. Я еще в магазин пойду, мой-то вечером голодный придет, – отказалась Ольга, и Саша, пожав плечами, вышла из кафе.

Через окно Паршинцева видела, как она садится в машину, как трогается с места. Манера вождения у нее была совсем мужская, чувствовала себя Саша за рулем, кажется, увереннее,

чем на ногах. Когда машина скрылась из вида, Ольга допила кофе, раздумывая о том, что же могло случиться с Александром Михайловичем. Очень уж ей не хотелось, чтобы в семье подруги снова начались неприятности.

Глава 4 Александра

Человек сам решает, бесконечно мучить себя своей обидой или сделать так, чтобы она растворилась с пользой.
Хань Сян-цзы, китайский философ

Дочь выскочила на улицу, едва за моей машиной закрылись ворота. В руках у нее был дневник, которым она размахивала, как флагом. Я открыла дверку и вышла, бросив ключи охраннику.

– Соня, ты же в тапочках!

– Ой, мам, да ладно! Ты только посмотри, меня сегодня вызвали по всем предметам! И я везде-везде получила пятерки!

Она сунула мне в руки дневник и поскакала на одной ноге к крыльцу – снова повалил мокрый снег. Я тоже ускорила шаг, стараясь быстрее укрыться от налипающих на волосы снежинок, и уже на крыльце, под крышей, открыла дневник, в котором красовались четыре пятерки. Соня училась хорошо, ей легко давались иностранные языки, которым в ее гимназии начинали обучать с первого класса. На собраниях ее всегда хвалили, и я опасалась даже, что Соня расслабится и начнет отлынивать. Но пока, к счастью, этого не произошло.

– Где дед? – спросила я, входя в дом и бросая сумку на тумбу.

– Еще не приезжал, – отозвалась дочь, – мы с бабой Галей вареники на ужин стряпали.

– Отлично, – пробормотала я, раздеваясь. – А папа не звонил?

– Нет. А Никита приклеил голову моей кукле, – выкладывала новости дочь, сидя на нижней ступеньке лестницы, ведущей на второй этаж.

– Понятно.

– Мам, ты чего? Неприятности какие-то? – уловив мое настроение, чуткая Соня покинула свое место и подошла ко мне, обняла и заглянула в глаза: – Мам! Опять студенты, да?

Я потрепала ее по волосам и кивнула:

– Студенты, Соня, – не объяснять же восьмилетнему ребенку причину, по которой у меня все валится из рук, а ноги отказываются подчиняться. Так и села бы сейчас прямо тут, в прихожей, на пол... Но нужно держаться. – А что у нас на обед? Я бы супчика похлебала.

Есть не очень хотелось, но если этого не сделать, Галя непременно доложит папе, тот будет нервничать, а ему нельзя – сердце.

– Супа не было, но был бульон и пирожки, хочешь? – увлекая меня за собой в кухню, спросила дочь.

– Даже лучше.

В полуподвальной кухне хозяйничала наша бессменная домработница Галя, убирала со стола остатки муки. Увидев меня, она улыбнулась:

– Санюшка, накрывать? Может, вареников тебе сварить?

– Не надо, Галочка, я бульон попью, жидкого хочется.

Передо мной на столе возникли большая бульонница, полная золотистой жидкости с умопомрачительным запахом, и тарелка с пирожками. Ее я отодвинула, а вот бульонницу обняла обеими руками и сделала глоток, как из кружки. Пока не видел помешанный на столовом этикете папа, можно было позволить себе свинячить, как он это называл.

– Что-то Александр Михайлович сегодня нам ни разу не позвонил, – сообщила Галя, вытирая бумажной салфеткой стакан, при помощи которого резала кружки для вареников. – Занят, наверное.

– Да, – неопределенно пробормотала я, отставляя бульонницу.

Отсутствие телефонных звонков от Акелы беспокоило всех в доме – у нас не принято было нарушать заведенный порядок. Неизвестность часто становилась причиной неприятностей, и это хорошо понимали обитатели нашего дома. Надо позвонить папе, может, он в курсе. Да, так и сделаю.

Я сорвалась из-за стола и, не объясняя ничего удивленной домработнице, ушла в кабинет и набрала номер папиного мобильного. Долго считать гудки не пришлось.

– Я слушаю, – раздался низкий папин голос.

– Пап, привет. Я уже дома, – и, зная, что с отцом лучше обойтись без долгих предисловий, сразу спросила: – Ты не знаешь, где Сашка?

– Акела-то? В клубе своем.

– Как в клубе? День же...

– И что? Случилось там у него что-то, он сразу и уехал, часов девять было. А тут дел по горло, и он мне нужен, а мобилу не берет. Видно, серьезное что-то, – с раздражением откликнулся папа. – А ты чего звонишь? Потеряла?

– Да.

В ответ родитель коротко хохотнул.

– Не волнуйся, дочь, жив твой паленый, ничего с ним не сделалось. Ты это, Санька, полегче бы, – совсем другим, не свойственным ему просительным тоном сказал вдруг папа. – Нельзя тебе нервничать-то.

– Папа, я не могу не нервничать. Если с Сашкой что-то случится, я просто этого не переживу.

– Кнопка-Кнопка, нельзя так прирастать к человеку.

– Нет, папочка, только так и можно. И только тогда это семья, а все остальное – сожительство.

Отец только хмыкнул, но мне показалось, что я вижу выражение его лица и то, как он обреченно машет рукой, – всегда так делал, когда понимал, что бороться со мной бесполезно. Из троих детей папы я, неродная по крови, оказалась равной ему по характеру. Братья мои то ли родились слабыми, то ли стали такими, подавленные родительской волей. И только я всегда противостояла и добивалась того, чего хочу. Так было во всем: в желании водить мотоцикл, в выборе профессии, в замужестве. Папа, приведший в дом Акелу совершенно с иной целью, вовсе не обрадовался, когда узнал о нашем романе. Более того, пришел в такую ярость, что мог убить. Но я сумела переломить родительскую волю, а Акела сделал все, чтобы папа ни на секунду не усомнился в серьезности его намерений. Наверное, он мечтал о другой партии для меня, но сложилось так, что в семнадцать лет я увидела Акелу, годившегося мне в отцы, – и вокруг исчезли все мужчины. И я не пожалела об этом выборе. Но папа считал, что я слишком привязана к мужу, как-то чрезмерно, как будто мы действительно одно целое. А я считала это нормальным.

Разговор с отцом немного облегчил мне ожидание, но теперь в голове вертелась другая мысль – что же случилось в клубе. «Каскад» находился в полуподвальном помещении старого здания в центре города, по периметру потолка проходили трубы, они могли дать течь. Но это же не настолько критично, чтобы отключать телефон на весь день. Красть там тоже было нечего – муж никогда не оставлял в клубе оружие, а деревянные мечи-шинаи годны только для тренировок, если ты, конечно, не мастер. Перебрав все возможные варианты, я решила не гадать больше, а дожждаться возвращения Сашки – он внесет ясность.

Остаток дня я провела с дочерью и сумела немного отвлечься. В восемь вечера вернулся папа, как всегда, шумно и со спецэффектами, прошел на свою половину и, переодевшись, вернулся к нам с Соней. Он сам так решил разделить дом: ему – меньшую часть, нам – ту, где кухня и столовая, чтобы иметь возможность приходить к нам обедать и ужинать, как всегда было заведено, но потом коротать вечер у себя, никому не мешая.

– Что, нету? – едва взглянув на меня, понял папа, и я кивнула. – Ничего, доча, приедет – куда ему деваться.

Соня залезла на колени к деду, усевшемуся в кресло у камина – их в доме было два, – и спросила:

– Мы в воскресенье с тобой куда поедем?

– К Бесо.

– А зачем? – донимала внучка, разглаживая пальцем кустистые брови деда, сходящиеся на переносице.

– А затем, что день рождения у его внука.

– У Карена?

– Да. Бесо обещал целый цирк.

– Как будто дома ей цирка не хватает, – пробормотала я тихо, чтобы не слышал папа.

Я не возражала против их поездки к Бесо, с его внуками Соня дружила и отлично ладила. Но папа и не спрашивал моего позволения, считая, что этот вопрос он может решить сам. Под домашним же цирком я имела в виду наш образ жизни, в котором уживались самурайские заповеди и папины «понятия». Соня была еще маловата, чтобы это понимать, но со временем ей, как и мне, предстоит сделать это открытие.

Я помнила свое ощущение от столкновения с действительностью – мне было семь лет, и на шее с тех пор так и остался шрам от финки, которой меня полоснул по горлу напавший на нас с братом Семеном подручный Вити Меченого, папиного давнего противника. Именно Семен потом объяснил мне, кто на самом деле наш папа, чем занимается и в какой «длительной заграничной командировке» он находился в тот момент. С этим Витей судьба столкнула меня еще раз в прошлом году, и я разобралась с проблемами, как настоящая дочь своего отца – а что делать, если сыновей у него нет? Слава и Семен погибли один за другим несколько лет назад, я осталась одна, и даже тот факт, что по крови я никакая не родня отцу, не сделал меня чужой ему. Папа никогда не давал мне понять, что в семье я приемыш, я и не узнала бы, если бы не досадная случайность. Но что с того? Я любила его, потому что никого другого в моей жизни не было, а он был и воспитывал так, как умел. Немолодой, много лет проведший за решеткой мужчина остался с тремя детьми на руках: двое почти взрослых парней и я, семилетняя. Мама ушла, сбежала как раз накануне его освобождения, оставив нас на тетку Сару, и папа так никогда больше и не женился, не привел в дом другую женщину. И именно папа воспитал меня такой, какая я есть. Не совсем, кстати, плохо у него и вышло-то...

– Ты чего задумчивая такая, дочь? – спросил папа, чуть стукнув ножом о стакан, и я вздрогнула от звука:

– Что? Нет, нормально...

– Так, Софья, ты закончила? – спросил он у Сони, и та кивнула. – Тогда марш к себе, нам с мамой надо поговорить.

Спорить внучка не стала. Хоть она и пользовалась тем, что дед ее любит без памяти и балует, но перечить его слову она решалась все-таки далеко не каждый раз, замечая, что и мы с Сашкой этого не делаем. Когда Соня убежала наверх, папа, бросив салфетку на тарелку, закурил свою традиционную «беломорину» и изрек:

– Будем надеяться, что она не приобрела отвратительную привычку своей маменьки к подслушиванию.

– Папа!

Он только головой покачал и вдруг спросил:

– Вы что, поругались?

– С кем?

– Санька, не морочь мне голову. Акела твой с утра как в воду опущенный, я что, первый день его знаю? Потом сорвался, уехал в клуб – и все, ни слуху ни духу. Может, это только предлог, будто что-то там случилось?

Я тоже закурила и посмотрела на отца не совсем доброжелательно:

– Почему ты сразу во всем обвиняешь меня?

– Потому что отлично знаю, кого вырастил, – хохотнул папа.

– И это автоматически делает меня виновной во всем на свете, да?

– Я тебя что, обвинил в чем-то? – удивился папа. – Я спросил, не случилось ли чего утром, потому что уж больно молчаливым был твой мужик. Я и подумал...

– Вот-вот! Ты сразу подумал, что это я ему чего-то наговорила! А почему не наоборот, а? – перебила я, даже сама не понимая, с чего вдруг так разозлилась на папины слова.

– Так, хорош, – хлопнул ладонью по столу папа. – Ты с какого перепуга опять на меня голос повышаешь? Я тебе мальчик-студент? Не ругались – и хорошо, но скажи об этом нормально!

Не знаю, что именно меня так взбесило. Ткнув сигарету в пепельницу, я вскочила из-за стола и побежала к себе, в гардеробной вынула с полки кожаные старые брюки, теплый свитер и старую куртку на меху, достала из галошницы засунутые туда берцы, в пять минут собралась и пошла в кабинет. Там в сейфе хранились мои винтовки. Выбрала самую мощную, с хорошей оптикой, позвонила телохранителю Никите и заявила, что жду его в машине. Никита удивился – на улице было темно, а фраза «жду тебя в машине» предполагала выезд на карьер.

– В смысле?

– Ты будешь спорить или собираться?

– Все, я понял. Пять минут.

Ровно через пять минут он выскочил из коттеджа, где жила охрана, в теплом камуфляжном комбинезоне и таких же, как у меня, берцах, на ходу надевая на рыжие волосы черную шапочку:

– Даже не спрашиваю, с чего мы на ночь глядя. Или спрашиваю?

– Нет. Просто садись за руль и едешь, – сказала я, выбрасывая окурок в стоявшее у ворот ведро и садясь в машину.

– А винтарь куда убрали?

– Как обычно.

У меня имелись все документы на оружие, папа строго следил за этим. Винтовку можно было возить спокойно, я все-таки спортсменка-разрядница, но Никита всякий раз спрашивал об этом, как будто боялся быть пойманным на посту ГИБДД.

Карьер находился километрах в семи от поселка, был он давно заброшен и облюбованной для стрельбы – там практически никогда никого не было. В ту сторону крайне редко ездили машины, и я с удивлением отметила, что позади нас двигается микроавтобус. Куда это он едет, интересно? Разве что к выезду на трассу, ведущую в соседнюю область.

До карьера мы доехали молча, Никита даже радио не включал, видя мое напряженное лицо. Так же молча он достал из багажника кремат, одеяло и большой кусок полиэтилена – шел мокрый снег, – разложил это все на более удобной точке и ушел расставлять мишени, которыми служили специально заказанные на одном заводе пяточки из металла и большой лист пластика, разрисованный, как в тире. Его, понятное дело, приходилось каждый раз делать заново. Закончив, телохранитель вернулся и вопросительно посмотрел на меня. Вот за что я ценила Никиту – за умение понять мое состояние и не доставать разговорами или действиями.

– Спасибо. Ты иди пока в машину, чего тебе тут мокнуть? – устраиваясь на одеяле и расчехляя винтовку, сказала я.

– Я сейчас ближе подгоню.

Это было необязательно, в такую погоду вряд ли был риск встретить в карьере хоть кого-то живого, но Никита не хотел выпускать меня из вида. Потому подогнал джип как можно ближе, открыл дверку и устроился в салоне, вытянувшись почти во весь рост.

– Удобно? – с иронией спросила я.

– Настоящему индейцу завсегда везде ништяк, – хохотнул Никита, с трудом пристраивая длиннющие ноги на заднем сиденье.

– Как скажешь, – удобно укладывая приклад на плече, пробормотала я.

В такие моменты для меня переставали существовать звуки и запахи, окружающая действительность и вообще все. Как только мой палец ложился на спусковой крючок, а глаз прижимался к резинке прицела, прежняя Саша уходила и не возвращалась до тех пор, пока не был израсходован последний патрон и поражена последняя мишень. Как ни странно, именно это состояние внутренней собранности помогало мне разобраться с собственными противоречиями, как будто в отверстиях на мишени я видела ответ. Но сегодня все шло не так – стрельба была идеальной, а успокоение не наступало. Внутри было так же уныло и тревожно, как до приезда в карьер.

– У вас телефон разрывается, – сказал вдруг Никита, и я, вздрогнув, отправила очередную пулю в «молоко». – Между прочим, Акела звонит.

Я сунула винтовку под одеяло, чтобы не намочить, поднялась и взяла у телохранителя трезвонящую трубку.

– Да, слушаю.

– А ты где это? – удивленно спросил муж таким тоном, как будто он весь день лежал на диване, а я взяла и исчезла.

– А ты? – почти враждебно отозвалась я, помня, как он не любит слышать вместо ответа вопрос.

– Я был в клубе, там неприятности, – коротко сказал Акела, давая понять, что больше на эту тему вопросов не нужно. – Так где же ты?

– В карьере.

– Опять?

– Почему опять? Я не ездила сюда около месяца.

– Аля, ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. С чего вдруг такая поездка среди недели и в мокрый снег?

– Значит, так было нужно. Мы сейчас вернемся.

– Хотя бы хватило сообразительности взять Никиту, – хмыкнул муж.

– Ты запретил мне ездить одной.

– И очень удивлен, что ты до сих пор не нарушила этот запрет. Ладно, Аля, собирайтесь и возвращайтесь домой, очень холодно, идет снег – не хватало заболеть.

Сашка отлично знал, что мой телохранитель ни при каких условиях не позволит мне завалиться на голую землю, что у него в багажнике всегда полный набор необходимого, тем не менее не забывал выступить в роли заботливого отца, которым, кстати, вполне мог быть по возрасту.

Убрав трубку в карман, я вынула сигареты и закурила. Начали мерзнуть два пальца, открытые специальной перчаткой, но я мужественно добила сигарету и только потом опустила «капюшончик», скрывавший их. Никита убрал винтовку в футляр, стряхнул нападавший на одеяло снег и бросил мне:

– Положите с краю в багажник, я дома высушу. А кремат я сам сверну.

Я забрала у него одеяло и футляр, сложила все так, как велели, и забралась в салон. Только теперь я поняла, что продрогла. Захлопнув багажник, Никита взгромоздился на водительское место и сразу включил печку:

– Холодно, да? Ненавижу такую погоду, прямо из дома бы не вылезал.

– Извини, что выдернула.

– Ой, да я к тому, что ли? Просто не люблю такую погоду. Вы вот жару не любите, а я морось вот такую. Каждому свое.

– Я такую тоже не люблю. Меня разве что в Питере это не раздражает почему-то, – сказала я, немного согреваясь, и вдруг вцепилась в руль, дернув его вправо так, что джип занесло, и он скатился на обочину.

– Аккуратнее!

Никита заорал матом, высунувшись из мгновенно открытого окошка почти по пояс. По дороге удалялся микроавтобус с погашенными фарами и неработающими габаритами.

– Ты смотри, какая тварь! – бушевал мой телохранитель. – Офигели совсем, уроды, без света на такой трассе! Как вы его вообще увидели-то?

– Я стрелок, Никита. Да и по спине могильным холодом продрало, – призналась я, шаря по карманам в поисках сигарет. – Еще минута – и в лобовую сошлись бы.

Никита, тоже изрядно перепуганный, вынул свои сигареты, прикурил две и одну отдал мне. Мы курили и молчали. Я действительно не могла объяснить, как именно увидела – вернее, почувствовала – несущийся нам в лоб микроавтобус. Просто предчувствие смерти... Не прислушайся я к этому, и все – уже лежали бы, изуродованные до неузнаваемости, прямо здесь, на дороге, когда до поселка осталось километра три. Жизнь обрывается так легко... Я столько раз видела ее в прицел винтовки и до сих пор не могу привыкнуть. Долгое время во сне ко мне приходил Реваз Кабоблишвили, внебрачный сын Бесо, которого я застрелила, спасая собственного мужа. У меня не было выбора – я должна была его убить, чтобы не причинить вреда человеку, которого любила и за которого могла отдать собственную жизнь, не то что чужую. Но лицо Реваза очень часто всплывало в моих снах, и тогда я просыпалась с криком, пугая мужа. Потом прошло. Странное дело – Реваз был единственным, кто мне снился, а ведь было их больше. Но почему-то именно он так впечатался в память. Господи, какая ерунда лезет в голову через минуту после того, как избежала смерти. А говорят, вся жизнь промелькнула. Ничего у меня не мелькало, только почему-то вот это воспоминание. Или это я такая неправильная?

– Никита, я ног не чувствую, – жалобно сказала я, потому что действительно перестала ощущать себя ниже талии.

– Это шок, Александра Ефимовна, – отозвался он, берясь за руль. – Сейчас домой приедем, вы полежите, отдохнете, и к утру все наладится.

Но дома я не смогла сама выйти из машины, и напуганный Никита внес меня в дом на руках. Папа уже ушел к себе, Соня легла спать, а Акела сидел в гостиной с какой-то толстой книгой на японском. Увидев нас, он отложил ее и встал, удивленно глядя на меня:

– Это что за экспозиция? Сама больше не ходишь?

– Да что-то с ногами у нее, Александр Михайлович, – отозвался Никита, опуская меня на диван. – Мы в аварию чуть не попали.

– В какую аварию? – спросил Акела, снимая с меня берцы и выбрасывая их в прихожую.

– В дорожную, – отрезала я, проклиная Никиту за его правдивость. – Спасибо, можешь отдохнуть, – выразительно глянув на телохранителя, я дала ему понять, что пора ретироваться, чтобы не наговорить лишнего. Но Акела тоже это заметил:

– Нет, погоди, Никита, останься. Быстренько в двух словах расскажи, что, где и как было, – тоном, не предполагавшим возражений, остановил он собравшегося уходить телохранителя.

– А? – повернувшись на пороге, невинно переспросил Никита, хотя отлично слышал все, что сказал Акела.

Муж иронически хмыкнул и, окинув Никиту с ног до головы изучающим взглядом, сказал:

– Вижу, тебя никак не раскатает катком жизненного опыта, да, Никита? Неужели ты думаешь, что я не вижу ваших переглядок? И не знаю, что она мне сейчас расскажет историю, максимально приближенную к правде, а потом пошлет тебе эсэмэску с точными указаниями, как и что говорить мне завтра? Не смейся, ладно? Ты не первый день работаешь в этом доме. И я не впервые ловлю вас обоих на вранье. Взрослые же люди, как так можно? Уж врете, так хоть договоритесь заранее.

Мы с Никитой чувствовали себя провинившимися школьниками, которых отчитывает в кабинете директор школы.

– Саш, давай отпустим Никиту отдыхать, я обещаю, что расскажу все, как было, – попросила я, беря мужа за руку, но не тут-то было.

Никогда Акела не велся на мой покорный тон и опущенную голову – знал, с кем живет.

– Никита, рассказывай и иди.

Вздыхнув, Никита бросил на меня виноватый взгляд, мол, сами видите, выбора нет, и выложил все, что произошло на дороге. Сашка почему-то задумался, а потом спросил:

– Цвет микроавтобуса кто-нибудь из вас запомнил?

– Темный какой-то, я потому не сразу и увидела, – сразу же ответила я, – но более определенно не скажу. Точно не белый и не металлик, за это ручаюсь.

И вдруг я подумала, что точно такой же темный микроавтобус я видела на дороге по пути к карьере. Точно, темно-синий «кореец». Совпадение? Вряд ли. Тогда что получается? Они нас сопровождали, свернули на обочину, а когда мы покинули карьер, быстро нырнули на небольшую объездную дорогу и выехали уже лоб в лоб? Зачем? Ведь при таком столкновении неминуемо погибли бы все, включая и тех, кто был в микроавтобусе. Тогда что? Выходит, они знали, что и Никита, и я прекрасно владеем навыками экстремального вождения, а следовательно, непременно сделаем все, чтобы от столкновения уйти. Хотели напугать? Кого? Преподавателя кафедры анатомии? Дочь Фимы Клеща? Или, может, жену Акелы? Первое предположение не годилось по ряду причин, а вот два оставшихся... Но я не стала делиться ими с мужем.

– Темный, значит, – повторил Сашка, думая о чем-то своем, – ну-ну. Спасибо, Никита, можешь отдыхать.

Телохранитель попрощался и ушел, а мы остались в гостинной. Неприятно пахла мокрая кожа брюк и куртки, брошенных тут же на полу, хотелось в душ и в постель, но Акела все сидел на краю дивана и о чем-то думал. Я боялась даже шевелиться, чтобы не отвлекать его. Ноги понемногу отошли, я осторожно пошевелила пальцами – они двигались, и я их чувствовала. Слава богу, хоть здесь все в порядке.

– Ты знаешь, Аля, происходит что-то странное, – сказал вдруг муж, и я вздрогнула:

– В смысле? У тебя какие-то неприятности?

– Пока не понимаю, но очень похоже. У меня в клубе сегодня кто-то все перевернул вверх дном в буквальном смысле. И тренерскую, и зал, и раздевалки. Такое впечатление, что там что-то искали.

– Что можно искать у тебя в зале? – удивилась я. – Там нет ничего, кроме двух десятков деревянных мечей, годных только на дрова, да твоего тренировочного кимоно – тоже невеликой ценности вещь.

– А кто об этом знает? – усмехнулся Сашка. – По обывательским представлениям, клуб восточных единоборств должен быть напичкан мечами, например, или еще чем-то.

– Глупости это, – не совсем уверенно сказала я, – кому нужны твои мечи? Для чего? Капусту шинковать? Может, просто какие-то придурки малолетние?

– Тогда они хорошо знакомы с техникой взлома замков, потому что вскрыт даже сейф. – Акела намотал на палец конец тонкой длинной косы, спускавшейся с макушки на плечо, и, подергав, выпустил. Делал он это только в состоянии крайнего волнения.

– А что было в сейфе? – запнувшись, спросила я шепотом.

– Деньги там лежали – вся сумма, которую я должен был перевести на счет детского дома. Но это ерунда, я восстановлю из своих, – спокойно сказал муж, – дело в другом. Я уверен, что искали не деньги, сейф-то явно первым вскрыли. Искали что-то другое.

– Я не понимаю.

– Вот и я, Аля, не понимаю. За мечами логичнее идти сюда, в поселок, а не в клуб в центре города. Да и дворник из соседнего дома сказал, что с раннего утра, еще затемно у них во дворе появился незнакомый темно-синий микроавтобус. Простоял до десяти и уехал. А мне позвонили в одиннадцать, когда пришла уборщица полы мыть.

– Думаешь, как-то связано? – с сомнением спросила я, думая о том микроавтобусе, что сперва ехал за нами до карьера, а потом пытался столкнуть с трассы.

Акела пожал плечами:

– Не знаю. Может, просто совпадение. И вообще, идем спать, поздно уже. Как ноги?

– Нормально, – я села, обхватила колени руками и спросила: – Саш, все точно будет в порядке?

– Я на это очень рассчитываю, – серьезно сказал муж, – и сделаю все, чтобы вас с Соней это никак не коснулось.

Глава 5

Акела

*Когда твой меч сломан,
ты одолеешь противника голыми руками.
Если твои руки будут отрублены,
ты прижмешь его к земле плечами.
Если твои плечи тоже отрублены,
ты зубами прогрызешь шею десяти
или пятнадцати врагам.
Вот что такое смелость.*

Ямомото Цунэтомо. «Хагакурэ. Книга самурая»

Он лежал в кровати, закинув за голову руки, и старался даже дышать пореже – рядом спала жена, и он по привычке боялся потревожить ее чуткий сон. Мысли не давали ему уснуть, и Акела так и промучился почти до утра, прокручивая в голове все, что случилось вчера.

Звонок уборщицы на мобильный застал его за проверкой документов очередной фирмы, собиравшейся кредитоваться в их банке. Начальник отдела ждал его подписи, и Акеле пришлось сперва закончить все, а потом уж звонить тестю и предупреждать о вынужденном отъезде. Тот недовольно пробурчал, что сегодня обед с кем-то из клиентов, но уехать разрешил. Акела не тяготился необходимостью ставить Клеща в известность о своих отлучках – это нормально, когда живешь в такой семье. Кроме того, его свободу никто не ограничивал – ни жена, ни тем более тесть. Акела сумел найти баланс между работой, личной жизнью и пристрастием к восточным единоборствам, и теперь эти три вещи сосуществовали в его жизни мирно, не мешая друг другу. Кроме того, последние пару лет он занимался благотворительностью, перечисляя все, что зарабатывал в клубе, на счет одного из детских домов города – того самого, в котором раньше воспитывались его жена и его дочь. Много времени отнимали и подростки – те, кого он сам находил в городе, в подвалах, на вокзале или просто болтающимися в торговых центрах. Ему удавалось уговорить их прийти на занятия в клуб, и предоставленные самим себе пацаны с удовольствием втягивались в сложный, но интересный мир восточных техник и философии самураев. Были в клубе и платные группы – для тех, чьи родители могли позволить себе оплачивать прихоти чада, но цена там тоже была не заоблачной. Именно эти деньги он и перечислял в детский дом. Все, что касалось внутреннего обустройства помещения, счетов за электричество и отопление, оплачивалось из личных средств тренера.

Акела не считал, что занимается воспитанием. Ему просто хотелось, чтобы у этих мальчишек в жизни появился смысл, и они не стали жертвами наркоторговцев, например. Воспитанники обожали его, буквально смотрели в рот и принимали каждое слово как непреложную истину. Никто из них ни разу не позволил себе применить полученные в клубе умения в драках, и именно это Акела считал главным достижением.

Но что произошло вчера? Клуб буквально перевернули вверх дном. Но даже не это и не пропажа денег волновали Акелу, а то, что он никак не мог понять истинной причины произошедшего. Кому нужен спортивный клуб в подвальном помещении, где нет ни дорогого оборудования, ни техники? Какой интерес прийти и разгромить все в пух и прах? И не давал покоя этот темно-синий микроавтобус, который видела еще и Аля. Кому понадобилось сбрасывать с трассы джип его жены? Акела не сомневался почему-то, что все было именно так – на серьезную аварию никто не рассчитывал, а вот напугать хотели. Правда, он не очень представлял, что именно могло бы напугать его миниатюрную жену, уж точно не съехавший на обочину джип. Аля не потеряла головы, даже когда похитили Соню, уверенно разобралась со всем сама, так

что для нее несущийся в лобовую микроавтобус – не более чем досадная неприятность, которой они с Никитой на пару легко избежали. Но кому и зачем это нужно? Вот чего Акела никак не мог понять и от этого непонимания злился. Он любил четко видеть цель и знать возможного противника в лицо, хотя отлично умел сражаться и с тенью. Но все-таки знание предпочтительнее.

Он провел в клубе весь день, сперва один, потом подтянулись ученики и очень помогли все убрать и расставить по местам. Ребята были удивлены и раздосадованы не меньше своего наставника и даже предложили организовать охрану, но Акела запретил. Он интуитивно чувствовал, что могут быть проблемы, и не хотел рисковать здоровьем, а возможно, и жизнями своих воспитанников. Поэтому он сказал, что отныне станет сдавать клуб на пульт военизированной охраны, и мальчики удовлетворились ответом.

Неприятно кололо еще и то, что пришлось звонить оперу Карепанову и просить прощения, что не сможет приехать и взглянуть на изъятую коллекцию оружия – просто не хватило времени. Карепанов только вздохнул, но согласился перенести осмотр на другой день. Акела очень не любил отказываться от обещаний, но вчера от него действительно ничего не зависело. У него даже не было времени подумать, кем был убитый коллекционер. Акела знал практически всех, кто хоть как-то касался японского оружия, но ни разу не слышал, чтобы кто-то в городе владел мечом работы Мурамасы, а судя по описанию Карепанова по телефону, это именно он и был. И только сейчас он вдруг вспомнил, как примерно полгода назад ему предлагали купить подобный меч. Два анонимных телефонных звонка с предложением, и Акела не смог даже отследить, откуда они были. Он отказался покупать кота в мешке, но даже будь меч перед глазами, он все равно не купил бы его. Слишком хорошо он помнил древнюю легенду о том, что мечи Мурамасы должны работать, иначе убьют своего хозяина. Не верящий ни в какого бога Акела всегда прислушивался к таким легендам, потому что не раз убеждался в их правдивости, и держать в доме подобную вещь не хотел. Нужно подумать, кто из коллекционеров мог позволить себе подобную покупку. Цена меча представляла собой внушительную сумму с пятью нулями, и расстаться с ней мог только очень обеспеченный человек. Кроме того, он должен был разбираться в тонкостях изготовления мечей, чтобы не стать жертвой мошенников, легко выдававших дешевую подделку за подлинную вещь. Таких людей в своем городе Акела не знал. Придется искать наобум, Карепанов вряд ли назовет ему фамилию. Хотя шанс есть. Решив, что завтра с утра он первым делом отправится к оперативникам, Акела постарался немного подремать.

Глава 6

Оперативники

Быть немногословным в вопросах, в которых прекрасно разбираешься, не открывать рта, когда тебя не спрашивают, – это чудесно.

Кэнко-хоси, монах

Илья Гаврюшкин тоже плохо спал ночью. Вот уже двое суток он, обложившись книгами и распечатками из Интернета, изучал все, что могло касаться старинных японских мечей и мастера Мурамаасы. Информации оказалось много, от обилия японских названий, имен и совершенно непонятных слов в голове получилась какая-то каша, он уже совершенно запутался в терминах и эпохах. А Карепанов непременно спросит о подробностях – то, что его начальник дотошен и обращает внимание на каждую мелочь, Илья уже понял. Вот было бы с кем посоветоваться... ведь есть же люди, которые в этом разбираются и могут донести смысл покороче, попроще... Например, этот его Сайгачев – вот почему бы к нему не обратиться и не заставлять Илью перелопачивать горы ненужной информации?

Илья сел в постели, накинул одеяло на плечи и задумался. Наверняка есть кто-то еще – ну, не один же этот Сайгачев. Что-то еще такое говорил Карепанов о какой-то девушке... И тут Илью осенило – да он же прекрасно знает, о ком речь! Оля, Ольга Паршинцева! Сто лет знакомы, матери дружат, работают вместе, а они все детство провели бок о бок! Ну конечно – Ольга же! Они не виделись несколько лет, но мама то и дело рассказывала о дочери своей подруги. Илья смутно помнил, что Ольга, кажется, недавно вышла замуж и переехала к мужу, но это можно запросто спросить у мамы. Он даже спустил ноги на пол, но вовремя вспомнил, что на часах половина пятого, и мама еще спит.

– Ничего, – возвращаясь под одеяло, успокоил себя Илья, – главное – я нашел нужную ниточку. До утра дотерплю.

За завтраком Илья был рассеян и неловок, пролил чай, просыпал сахар и уронил на пол горячий бутерброд, не вовремя схваченный с тарелки, которую мать только вынула из микроволновой печи.

– Илья! – укоризненно покачала головой мама, наклоняясь и подбирая упавший бутерброд.

– Да, извини... Мам, слушай, а ты с тетей Наташей Паршинцевой общаешься еще?

Елена Дмитриевна удивленно посмотрела на сына:

– С чего вдруг такой интерес?

– Почему – вдруг? Вы ж подруги, – сделал честные глаза сын.

– Не хитри, Илюша. Ты всегда пропускаешь любые рассказы о моих делах мимо ушей и неожиданно интересуешься Наташей. Тебе что-то нужно?

Илья поднял вверх руки, признавая, что хитрость не удалась:

– Сдаюсь! Ты не знаешь, Ольга с ней живет или переехала?

Елена Дмитриевна не спеша налила в кофе сливки, поболтала ложечкой в чашке, выдерживая паузу.

– Мам, мне на работу надо, я опоздаю, – взмолился Илья, отодвигая пустую тарелку.

– А Ольга тебе зачем?

– Дело у меня к ней есть. Вопрос один. Так что, переехала она или нет?

– Я же тебе говорила – Оля вышла замуж, они с мужем снимают квартиру, но где именно, я не знаю. Если тебе очень нужно, позвони тете Наташе сам и спроси.

– Мамулечка, родная моя, у меня совсем нет времени на звонки, – сложив руки под подбородком, захлопал длинными ресницами Илья. – Я тебя очень прошу, позвони ты, а? Было бы неплохо Ольгин телефон получить и адрес.

Елена Дмитриевна улыбнулась и кивнула:

– Хорошо. Как срочно?

– Вчера, – вздохнул Илья. – Мне сегодня предстоит час позора, и я уже опаздываю. Но если ты сможешь до обеда мне добыть телефон Оли – спасешь честь мундира.

Он выбрался из-за стола, чмокнул мать в щеку и вприпрыжку направился в коридор.

– Скоро тридцать, а все еще пацан, – покачала головой Елена Дмитриевна.

Телефон она, естественно, нашла, и Илья успел позвонить еще до того, как встретился с Карепановым. Ольга удивилась, услышав просьбу, но потом согласилась встретиться и обсудить детали.

– Только ты имей в виду, что я не особенно хорошо в этом разбираюсь, – предупредила она, – на уровне любительского интереса.

– Да мне не надо особых тонкостей пока, мы это с экспертом обсудим, а вот кое-какие детали мне неплохо бы начальнику после обеда обрисовать. Я две ночи не спал почти, но, откровенно говоря, мало что понял, – честно признался Илья. – А о тебе вспомнил в надежде, что ты сможешь попроще объяснить.

– Попроще могу. Но ты все равно имей в виду, что это будет непрофессионально. Тебе бы с моим учителем японского поговорить.

– Случайно не Сайгачев его фамилия?

– Да. А ты его знаешь? – сразу насторожилась Ольга, и Илья поспешил успокоить:

– Не довелось. Мы его вчера ждали, но он не смог, позвонил, попросил перенести. Ну, мой начальник и велел мне пока самому разбираться. А там черт ногу сломит.

– Ладно, спасу по старой памяти, – засмеялась Паршинцева. – Тебе сколько времени нужно, чтобы доехать? У меня дела как раз в стороне вашей конторы, можем где-то там пересечься.

Илья бросил взгляд на часы, прикинул, какие могут быть сейчас пробки, и сказал:

– Минут сорок. Мне еще надо шефа предупредить, что вовремя не приеду.

– Хорошо. Тогда через сорок минут на автобусной остановке.

Обрадованный Илья позвонил Карепанову и сказал, что должен встретиться с консультантом, а потому задержится. Карепанов буркнул что-то и положил трубку, и Илья так и не понял, одобрил начальник его действия или нет.

За сорок минут он еле успел добраться до места встречи и, выскакивая из автобуса, сразу увидел уже стоящую на остановке Ольгу – высокая, худая девушка с непокрытой головой, в темно-синей куртке и серых джинсах пряталась под навесом от порывов холодного ветра.

– Оля! – замахал рукой Илья, привлекая внимание, и она обернулась. – Я здесь!

Она сделала пару шагов навстречу, и порыв ветра бросил распущенные по плечам волосы ей в лицо. Ольга остановилась и, скорчив недовольную гримасу, полезла в карман куртки:

– Просто напасть какая-то! Стоит забыть резинку для волос – и тут же ветер.

Не найдя ничего в карманах, она вынула из объемной сумки карандаш и, небрежно скрутив волосы в узел на затылке, закрепила его этим самым карандашом. Илья наблюдал за ней почти с восхищением – за те годы, что они не виделись, Ольга стала по-настоящему интересной молодой женщиной, уверенной в себе и притягивающей мужские взгляды.

– Слушай, а ты изменилась, – проговорил он, увлекая девушку за собой в сторону небольшого кафе.

– Я замуж вышла.

– Да, мама говорила. Поздравляю.

– Спасибо. Кстати, муж у меня частный детектив, будет нужна помощь – обращайся. Илья взглянул на спутницу с любопытством:

– Где это ты такого редкого специалиста нашла?

– Случайно, – улыбнулась Ольга, – его брат-близнец работает у моей подруги, так и познакомились.

Они вошли в кафе и выбрали столик у окна. Заказали кофе, и Ольга вдруг спросила:

– Как тебе работается, Илья?

Он пожал плечами:

– По-всякому. Иногда интересно, иногда трудно. Сейчас вот голова забита тем, к чему я в нормальной жизни и близко бы не подошел. К крови не могу привыкнуть, к убийствам. Карепанов говорит: надо иной раз выпить, чтобы прошло, а у меня душа не лежит, ты знаешь.

Ольга знала. Отец Ильи сильно пил и погиб под колесами автобуса, Елена Дмитриевна не держала в доме ни капли спиртного и очень боялась, что Илья пойдет по стопам отца. К счастью, если это можно так назвать, у него обнаружилась довольно редкая непереносимость алкоголя, и первая же выпитая в подростковом возрасте рюмка убедила Илью, что по этому пути он не двинется при всем желании.

– А Карепанов как? – продолжала спрашивать Ольга. Забыть собственный недолгий и не особенно приятный опыт работы с Борисом Евгеньевичем ей пока не удалось.

– Да вроде ничего мужик. Только иной раз как вцепится в какую-то ерунду – не оторвешь. А я понять не могу, к чему это. Вот как с мечом этим. Сама скажи, какая разница, кто его сделал? Разве это поможет нам убийство раскрыть?

– Как посмотреть. Иногда, знаешь, какая-то мелочь, которая кажется тебе неважной, вдруг оказывается определяющей. А выводы скороспелые могут человеку жизнь поломать. Я вон как облажалась в свое время – сложила, называется, два и три. Раз есть в доме мечи, а трупы как раз при помощи меча образовались, стало быть, владелец мечей и есть этот убийца, – со вздохом произнесла Ольга, когда официант поставил перед ней высокий бокал с латте. – А он оказался невиновным. И меч у него украли. И если бы не жена, так и сел бы за пять убийств, которых не совершал.

– Где я мог слышать эту историю? – наморщил лоб Илья, в памяти которого смутно всплывали обрывки подобного рассказа.

– От Карепанова небось и слышал. Я же с ним тогда на трупы выезжала, с Нарбусом работала. – Ольга помешала напиток трубочкой, попробовала и добавила сахар. – И заиклило меня на мечях, самурайских историях и японском языке. До сих пор стыдно вспоминать, как я вынюхивала в доме человека, который меня обучал. Фу, противно. Удивляюсь, как они меня потом на порог вообще пустили, до сих пор же дружим.

– Точно! – хлопнул себя по лбу Илья. – Борис Евгеньич же и рассказывал! Александр Михайлович, да? Сайгачев?

– Да.

– Слушай, а правду Карепанов сказал, что вроде как он из блатных, уголовных?

– Из каких?! – едва не поперхнулась кофе Ольга. – Ты чушь-то не пори. Он востоковед и мастер единоборств.

– Ладно, не хочешь – не говори. Давай к делу. О чем тебе говорит имя Мурамаса?

– Был такой оружейник веке в XV–XVI, кажется, даже точно неизвестна дата его рождения. Говорят, его мечи были проклятыми – не могли пылиться без дела, должны были непременно работать.

– Убивать, что ли? – уточнил Илья, и Ольга кивнула:

– Да. Считалось, что без крови меч умирает.

– Бред какой-то.

– Бред не бред, а в семье сёгуна Токугавы Иэясу произошла целая серия убийств и самоубийств, совершенных при помощи меча, который изготовил Мураманаса. Так что в каждой легенде есть доля истины. Мечи Мураманасы, кстати, после этого были объявлены вне закона и практически все уничтожены.

– Уничтожены? То есть их не осталось? Тогда как же?..

– Я же сказала, практически все, – улыбнулась Ольга. – А ты невнимателен к деталям, оперативник. Те мечи, что остались, теперь стоят баснословных денег, но никому из своих владельцев не приносят счастья, скорее наоборот.

Илья потер пальцами переносицу и пробормотал:

– И чем мне поможет это знание?

– А ты подумай. Сопоставь характер ран на трупе и прикинь, могло ли это быть самоубийство, например.

– Вот что угодно это могло быть, кроме этого, – решительно сказал Илья. – Голова-то рядом лежала, и больше никаких повреждений.

– И что? – абсолютно спокойно отозвалась совершенно не шокированная подобной информацией Паршинцева. – Это не значит, что убитый не мог сделать этого сам.

– Оль, ты ведь судмедэксперт.

– Именно поэтому я тебе и говорю: не отменяй эту версию. В жизни чего только не бывает.

– Что-то подсказывает мне, что Карепанов рад не будет, – пробормотал Илья, представив, как скривится лицо начальника, когда он выдаст эту версию.

– А это неважно. Есть версия – ее отработывают. Мы с Савкой каждую мелочь привыкли на молекулы разбирать, когда заказ отработываем.

– Так ты что же, с мужем работаешь? – удивился Илья.

– Да. Как с кафедры ушла, так вот с ним и работаю. Но я больше информацию обрабатываю, а основное, конечно, Савва сам делает, я же не понимаю в этом почти.

– С ума сойти. Никогда бы не подумал.

Ольга рассмеялась:

– Всякое бывает в жизни. А помнишь, как мы с тобой на даче шалаш из сена строили? – вдруг сказала она, и Илья невольно улыбнулся:

– Помню. А потом забирались туда с бутербродами и газировкой и представляли, что мы на необитаемом острове.

– Хорошее было время. – Она перевела взгляд на часы. – Илья, если у тебя еще что-то есть ко мне, так говори, мне уже пора бежать.

Илья полез в сумку и вынул несколько фотографий:

– Вот, посмотри, – он разложил снимки перед Паршинцевой.

Ольга долго перебирала снимки с изображениями мечей, потом сложила их аккуратной стопкой и сказала:

– Боюсь, здесь я тебе ничем не помогу. Я не эксперт, чтобы определить происхождение и стоимость меча на глаз. И с этим точно нужно к Александру Михайловичу.

– Ладно, и на том спасибо, – убирая снимки назад в сумку, проговорил Илья. – И отдельное спасибо за новую головную боль в виде возможного самоубийства.

– Ничего, Илюша, ты умный, разберешься. – Ольга полезла за кошельком, но Гаврюшкин воспротивился.

– Ты уж совсем-то меня не опускай. Мы не настолько мало зарабатываем, чтобы подругу детства кофе не угостить.

– Ты всегда был чертовски галантным кавалером, – рассмеялась Паршинцева и встала. – Мне пора. Звони, если что.

Она обошла стол, легко чмокнула Илью в щеку и пошла к выходу, а он так и остался за столом, немного взволнованный этим мимолетным поцелуем и нахлынувшими воспоминаниями.

Глава 7 Александра

Прошу, не сделай меня глупцом, не способным отличить зерно от плевел. Но прошу, не сделай меня и мудрецом, которому ведомо даже то, откуда придут тучи.

Акутагава Рюноске. «Слова пигмея»

Я не люблю, когда Сашка уезжает куда-то до того, как я открыла глаза. Это значит, что и проснулся он раньше, и ходил по комнате на цыпочках, чтобы не потревожить мой сон, и завтракал тоже один. У меня всякий раз остается ощущение, что кто-то украл у меня несколько минут общения с любимым человеком.

Сегодня было то же самое. Проснувшись, я обнаружила, что половина кровати, на которой спал муж, пуста, на балконе проветривается его тренировочное кимоно, в котором он делает упражнения по утрам, а в гардеробной нет одного из костюмов – висит пустой чехол на вешалке. Стало быть, Акела уже уехал. Настроение в такие моменты у меня здорово портилось, и приходилось прикладывать дополнительные усилия, чтобы не выплескивать эмоции на окружающих.

День у меня сегодня намечался относительно свободный. Первых двух пар не было, и я могла бы еще полежать, но нужно проводить в школу Соню и Никиту. Я уже потянулась за халатом, когда зазвонил мобильный на тумбочке. Это оказался один из ассистентов кафедры.

– Александра Ефимовна, не могу дозвониться заведующему, поэтому вас беспокою, извините.

– Что-то случилось, Сергей Юрьевич? – уловив обеспокоенные нотки в его голосе, спросила я.

– Да. Заболела мама в другом городе, ночью соседка ее позвонила – инфаркт. Мне нужно поехать, у нее никого больше нет.

– Конечно, отгулы я вам оформлю и раскидаю ваши группы по свободным ассистентам. Сегодня с утра первый курс у вас?

– Да, пищеварительная система.

– Хорошо, этих я себе возьму. Вы поезжайте и не волнуйтесь, занимайтесь мамой. Только позвоните сразу, как сориентируетесь по времени, сколько дней вам будет нужно.

– Спасибо, Александра Ефимовна! – горячо поблагодарил он и попрощался, а я быстро выбралась из-под одеяла и пошла в душ – придется ехать в академию.

Мы позавтракали с Соней вдвоем, с удивлением выслушали от Гали, что и папа тоже уже уехал.

– А мы точно не проспали? – с сомнением спросила Соня, внимательно глядя на большие часы в простенке кухни. – Тебе-то никуда не надо.

– Нет. Наверное, у папы и деда какие-то дела. Допивай чай, пора ехать, меня на работу срочно вызвали.

– Ты меня повезешь или Никита?

– Я сама отвезу, раз уж тоже еду. Иди одевайся.

Галя только головой покачала, провожая ускакавшую на одной ноге в прихожую Соню.

– Никиту все равно возьми, Санюшка. Скользко сегодня, я вон пока через двор перешла, чуть два раза не растянулась во весь рост, а на дороге-то, поди, еще хуже.

– Никита вчера поменял колеса, так что я в порядке. И потом, Галечка, я же не гоняю, – допивая кофе, сказала я, на что домработница только вздохнула.

– Никитку бы за руль-то посадила, он все же мужик.

– Большое преимущество, – улыбнулась я, зная, с какой скоростью может носиться по трассе мой телохранитель.

Вспомнив, что надо предупредить лаборанта о замене, я набрала номер кафедры.

– Доброе утро, это Гельман. Я сегодня заменяю Новосадского, пусть его группа готовится к занятию в моей комнате. Да, в моей. Лена, вы отлично знаете, что я не работаю с чужими препаратами. Ничего, студентам полезно видеть разные препараты, это тренирует память. Да, все.

Положив телефон на стол, я допила кофе и по привычке забросила в рот кусочек сахара – это помогало мне с утра настроиться на работу.

– Поздно вернешься? – принимая из моих рук пустую чашку, спросила Галя.

– Не знаю. Вроде как задержаться не должна, у меня пары до пяти. Правда, нужно один из препаратов обновить, но сегодня что-то нет настроения в прозекторской возиться.

Я выбралась из-за стола и направилась в прихожую, где уже застегивала длинный бордовый пуховик Соня. На обувной стойке примостился ее ранец и яркий мешочек со сменной обувью.

– Все, мам, я собралась, – сообщила дочь, набрасывая на плечи лямки ранца.

– Да и я, в общем-то, готова. Можешь идти в машину.

Соня вышла на улицу, а я еще на секунду задержалась у зеркала, решив подкрасить губы помадой, что делала довольно редко. Но сегодня настроение было какое-то странное, хотелось выглядеть иначе, чем обычно. Студенты, конечно, будут удивлены – на занятиях я никогда не появлялась с накрашенными губами и вообще имела репутацию женщины железной и нечувствительной ко всяким бабским штучкам вроде помады. Ничего, пусть удивятся, а то совсем я в глазах студентов синим чулком выгляжу.

Соня уже сидела в машине, пристегнутая ремнем безопасности специального детского кресла, а на водительском сиденье неожиданно обнаружился Никита.

– А ты чего здесь? – удивленно спросила я, усаживаясь рядом.

– Вроде как я на работе, – пожал плечами телохранитель, поворачивая ключ в замке зажигания.

– Не припомню, чтобы я вчера говорила, что ты мне с утра нужен.

– Вы, может, и не говорили, а вот Акела вполне ясно выразился – из поля зрения вас не выпускать.

Все ясно, вчерашняя встреча с микроавтобусом не понравилась моему супругу, и он на всякий случай напомнил Никите, за что тот получает зарплату. Ладно, Никита – скорее союзник и друг, чем телохранитель, и его присутствие меня никогда не напрягало, даже наоборот. И потом, с ним всегда можно договориться, если будет очень уж нужно.

– Что-то вы притихшая какая-то, – заметил Никита, когда мы выехали за ворота.

– Что, заорать? – мрачно поинтересовалась я, сама не понимая, что со мной происходит.

– Орать не надо, но вид у вас какой-то... Может, Соню довезем и в кафе? У вас ведь нет первой пары, – предложил Никита.

– Так бы и сказал, что позавтракать не успел. А первая пара уже есть – попросили подменить.

– Почему? Успел. Но вам не помешает чашка кофе и что-нибудь сладкое, время есть еще.

– Вот вы хитрые, – пробурчала на заднем сиденье Соня. – Меня, значит, в школу, а сами пирожные есть поедете? Где справедливость в жизни?

Никита фыркнул.

– Какую тебе справедливость надо, мелкая? Кому из нас троих Галя в портфель коробочку с плюшками положила? Не тебе ли?

Соня умолкла – Галя, зная любовь девочки к сладкому, обязательно совала в ее ранец небольшую коробочку-бэнто, привезенную Сашкой из Японии, в которой непременно находились булочки, плюшки или сладкие пирожки, и Соня с подружками жевали их на переменках.

– Вам не кажется, что за нами кто-то едет? – вполголоса спросил Никита, чуть наклонившись в мою сторону.

Я бросила взгляд в боковое зеркало – и точно. Следом неотступно двигалась старая белая «Мазда», в которой угадывались силуэты водителя и пассажира.

– Думаешь, за нами? Может, просто едут?

– Ага, – кивнул Никита, чуть добавляя скорость и потом резко ее сбрасывая, в результате чего следовавшая за ними машина в попытке не отстать едва не въехала им в бампер. – Видали?

– Н-да, – неопределенно пробормотала я, стараясь понять, с чем или с кем может быть связан этот непрошенный эскорт.

– Что делать будем? Не надо бы, чтоб до школы провожали, ну их, – сказал Никита, и я вздрогнула – воспоминания о том, как Соню увели прямо из школы, до сих пор были свежи в памяти. Тогда все обошлось, но ведь во второй раз может и не повезти.

– Отрывайся, – решительно сказала я, проверяя, хорошо ли пристегнут ремень безопасности. – Соня, возмись крепко за ручки и держись, сколько есть сил, поняла? Сейчас поедем очень быстро. Никита, там чуть дальше слева будет поворот на Власово, мы через него быстро выберемся на объездную трассу. Я в поселке скажу, куда поворачивать, там, если не знать дороги, запросто в тупик уедешь. Их штук семь, так что шанс скрыться у нас хороший.

– Ага, а на дороге двойная сплошная. Вы меня под лишение подписать хотите?

– Там нет ни камер, ни гайцев, никто не узнает. Главное, чтоб по встрече никто не ехал, – процедила я, берясь за ручку. – И двери заблокируй на всякий случай.

Никита щелкнул кнопкой и вдавил педаль газа в пол. Машина дернулась и понеслась, отрываясь от преследователей. Я смотрела в боковое зеркало и видела, как водитель «Мазды» пытается не отстать. Тягаться с полугодовой «бэшкой» с хорошим двигателем и шипованными колесами, прекрасно державшими чуть заледеневшую трассу, он, конечно, не мог. Мы долетели до поворота, и Никита резко взял влево практически в трех метрах перед движущимся на нас рефрижератором. Я закрыла глаза на секунду, хотя чувствовала, что этого зазора нам как раз хватит, чтобы проскочить и скрыться из поля зрения преследователей.

– Уф, – выдохнул телохранитель, чуть сбрасывая скорость в поселке, – пронесло вроде. Говорите, куда ехать, я здесь ничего не знаю.

– Будем надеяться, что и они тоже здесь ничего не знают, – пробормотала я, открывая глаза. – Прямо по этой улице и возле кирпичного дома с зеленой крышей сверни налево.

Никита послушно вел машину в указанном направлении, а я напряженно думала, кто бы мог быть заинтересован в том, чтобы преследовать нас. Соня сзади сидела тихо, как затаившаяся в норке мышка, и мне пришло в голову, что придется просить дочь обманывать Акелу и не рассказывать ему о наших пируэтах перед рефрижератором. Черт подери, с таких лет вынуждаю ребенка врать отцу.

Никита свернул на узкую улочку и вопросительно посмотрел на меня.

– Прямо. Там будет перекресток, дальше направо.

– Вы откуда этот поселок знаете?

– В пору моей бурной молодости любила с байкерами погонять. Иной раз приходилось от правоохранителей скрываться, вот и изучила все близлежащие поселки, чтобы успевать делать это быстро и без последствий. Видишь, когда пригодилось.

– Что вообще происходит, как вы думаете? – поворачивая на перекрестке направо, тихо спросил Никита, и я вздохнула:

– Знал бы прикуп – жил бы в Сочи. Акела куда-то с утра сорвался, а вчера даже разговор не было, что он в такую рань уедет. Может, в банке что-нибудь?

– Да вряд ли. Если в банке, то какой смысл за вами-то хвост пускать? – с сомнением в голосе возразил Никита. – И потом, вам не кажется, что это его личные неприятности? Вон и в клубе все вверх дном перевернули, сам же рассказывал.

– Там деньги пропали, – я сказала это скорее для информации, потому что сама не особенно верила в то, что люди, разгромившие клуб Акелы, искали жалкие несколько тысяч.

Никита, как выяснилось, так тоже не думал.

– Ой, да перестаньте! Сколько там было тех денег? Из-за такой мизерной суммы такой погром? Нет, деньги взяли попутно, а вот все остальное – как предупреждение о чем-то. И тогда вполне логичны вот эти зайчики в трамвайчике, что за нами ехали.

Я молчала. Скорее всего, телохранитель прав, но как выяснить причину? Что именно происходит у мужа и почему он не говорит об этом мне? Опять боится, что я влезу? Так теперь я гарантирую ему свое участие в чем бы то ни было. И сама выясню, что именно происходит.

Мы вывернули на трассу, и я с опаской посмотрела назад. Никакой «Мазды», разумеется, не было – если они поехали за нами в поселок, то неминуемо уткнулись в один из тамошних тупиков, а то и в несколько по очереди. Можно расслабиться.

До школы доехали молча. В холле я присела на корточки перед Соней и внушительно сказала, глядя снизу ей в глаза:

– Соня, я очень прошу тебя быть внимательной. Ни с кем и никуда не выходить, никому ничего не рассказывать. И запомни, никто, кроме меня, папы и Никиты, за тобой в школу приехать не может. Даже дед, даже его водитель – никто. Это понятно?

– Да, – серьезно сказала дочь, – я это знаю и ни с кем никуда не пойду.

– Запомни это, Соня. Я могу рассчитывать на то, что ты умная и взрослая?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.